УДК 930.2 / 94(47).072

Д. В. Тимофеев

В борьбе за голос благородного дворянина: электоральные практики в России на рубеже XVIII — первой четверти XIX в.[1]

Проблемное поле современной социальной истории, истории общественного сознания, истории идей и даже истории формирования структур и институтов неизбежно предполагает обращение к изучению разнообразных дискурсивных практик, возникавших в процессе внутри- и межгруппового взаимодействия, аргументации позиций и обоснования практических действий людей изучаемого времени. Такая «неизбежность» обусловлена коммуникативной природой общества, рассматриваемого как совокупность постоянно взаимодействующих друг с другом индивидов, каждый из которых, в зависимости от социального положения, уровня образования, индивидуальных способностей и возможности открыто заявлять о своей позиции, выражает свои представления, ожидания и тревоги посредством устной или письменной речи. В таком прочтении история общества является историей коммуникативных практик, возникавших в условиях динамически изменчивого сочетания субъективных представлений индивидов и системы политических, экономических и социокультурных факторов. Содержательно результаты коммуникативных взаимодействий отражены в разнообразных по своему функциональному назначению и содержанию текстах исторических источников.

В рамках конкретно-исторических исследований по истории общественного сознания акцентирование внимания на содержании коммуникативных практик позволяет выявить не только непосредственно провозглашаемые

авторами текстов цели, но и особенности осознания внутригрупповой идентичности, а также способы обоснования и направленность контраргументов участников дискуссий по наиболее актуальным для современников вопросам. Методологическим основанием такого подхода может стать сочетание англосаксонского подхода к изучению «истории понятий»[2] и метода критического дискурс-анализа Н. Фэркло, нацеленного на изучение взаимовлияния между коммуникативными событиями, текстом и широким спектром социально-экономических, политических и культурных отношений[3].

Инструментализация основных положений “History of concept” и метода «критического дискурс-анализа» возможна посредством последовательной реализации трех исследовательских установок: 1) необходимо сопоставление субъективных целей, преследуемых авторами при создании текста и того, как его содержание было интерпретировано современниками; 2) выявление позитивных и негативных контекстов употребления основных социально-политических понятий, логических и ассоциативных связей авторской аргументации с известными современникам фактами, процессами и теориями; 3) установление взаимосвязей с другими произведениями, созданными в хронологически близкий период времени в рамках одного проблемно-тематического поля.

Одно из перспективных направлений применения предложенных исследовательских установок в работах по истории общественного сознания — история электоральных практик российского дворянства в последней трети XVIII — первой четверти XIX в. как процесса подготовки и проведения выборов, утверждения и/или оспаривания результатов по жалобам и прошениям их участников. Центральная фигура анализируемых дискурсивных событий — российский дворянин, служебная карьера и материальное положение которого соответствовали установленным в законодательстве критериям для участия в выборных процедурах на уездном или губернском уровне. Важной характеристикой его положения было то, что он одновременно являлся и субъектом, заявлявшим о своем праве на «свободу выбора», и объектом, в отношении которого могли быть поданы жалобы на незаконное избрание и введены ограничительные меры, не позволявшие занимать выборные должности. Такая двойственность в случае выдвижения кандидатуры на выборную должность дополнялась еще и совпадением электоральных ролей, при котором один и тот же дворянин одновременно участвовал в голосовании и в качестве выборщика, и в качестве избираемого. Формально, в соответствии с «Жалованной грамотой дворянству» в процедуре баллотирования на все должности, кроме губернского предводителя, последовательно могли участвовать все члены дворянского собрания, либо, если собрание такой порядок признавало чрезмерно длительным, дозволялось представить своих кандидатов (ст. 45)[4].

Важным обстоятельством, оказывавшим непосредственное влияние на содержание и направленность дискурсивных практик, возникавших в процессе

проведения выборов, являлось противоречие между провозглашаемым равенством всех участников и фактическим их разделением по территориальному и имущественному положению. Наиболее состоятельная часть дворянства негласно, в обмен на поддержку при голосовании за определенную кандидатуру могла оказывать финансовую помощь тем участникам дворянского собрания, для которых проезд и длительное пребывание в губернском городе были чрезмерно обременительным предприятием. Всё это в совокупности с достаточно абстрактной формулировкой «буде за ними нет явного порока», которая могла стать основанием для отказа в утверждении на выборную должность[5], обусловливало ситуацию неопределенности, неуверенности в итоговых результатах голосования. Даже если претендент соответствовал всем необходимым критериям для участия в выборах, он мог быть не внесен в список претендентов по жалобе о его «недостойном поведении» или в связи с «открывшимися обстоятельствами» о нахождении под следствием. Но и получение относительного большинства голосов еще не означало окончательной победы: кандидатура могла быть не утверждена губернскими властями, а в некоторых случаях даже после формального утверждения решение могло быть пересмотрено по результатам рассмотрения жалоб и прошений дворян о «пристрастиях в выборах», повлиявших на результаты голосования.

Таким образом, выборы становились полицентричным пространством для выражения и отстаивания личных убеждений и групповых интересов. Возникавшие в этом поле конфликты порождали столкновение позиций и, как следствие, поиск убедительных аргументов, доказывавших обоснованность и необходимость совершения практических действий. Именно поэтому внимательное отношение исследователей не только к тому, что, но и *как было сказано/написано*, поможет проследить особенности воспроизводства ранее существовавших и формирования новых моделей поведения и, как следствие, ответить на принципиально важный вопрос о влиянии электоральных практик на изменения в сознании российского дворянина конца XVIII — первой четверти XIX в.

В качестве основных проблемно-тематических разделов данного исследования были выбраны несколько взаимосвязанных сюжетов: реакция участников на нарушения процедуры подготовки и проведения выборов; дискурс о формальных критериях и нравственных качествах кандидатов; размышления о приоритете «духа» или «буквы» закона при определении на выборные должности; обоснование и проявления внутригрупповой консолидации местного дворянства. Содержательно все эти сюжеты представлены в различных по своему функциональному назначению источниках: представлениях, отчетах и донесениях губернских властей; «голосах», жалобах и прошениях дворян по делам «о пристрастиях в выборах» или «неутверждении в должности».

О «пристрастии в выборах», личных качествах кандидатов и «общей пользе»

Особое значение для реконструкции дискурсивных практик имеют публичные заявления в дворянских собраниях участников избирательного процесса. Ярким примером такого рода документов является адресованный «Воронежской губернии господам губернскому и уездных дворян предводителям и всему благородному дворянскому сословию Воронежского помещика и дворянина штабс-капитана Петра Степанова сына Шеншина, ГОЛОС». Предложенный вниманию собравшихся утром 10 января 1810 г. в дворянском собрании текст содержал указания на ряд принципиальных нарушений при составлении списков для баллотирования на выборные должности: «Вчерашнего числа из представленных к рассмотрению Воронежского дворянства о состоящих по оной округе дворянах списков усмотрено мною, что в оные внесены дворяне: 1-е не имеющие в уезде недвижимого имения; 2-е не владеющие собственным своим, а принадлежащим отцам, матерям и женам их имений; 3-е владельцы людей без земли; 4-е владельцы деревень, имеющие право по службе их и имению быть и присутствовать в собрании, при выборе и баллотировании, но внесенные из них кто... по Воронежской губернии в дворянскую родословную книгу, по тем спискам того не значится»[6]. Отмеченные факты, по мнению автора, являлись прямым нарушением действующего законодательства, а следовательно, проведение выборов на основании представленных списков было бы также незаконным.

П. С. Шеншин использовал безупречную для любого «добропорядочного дворянина» того времени систему доказательств. По каждому пункту выявленных нарушений были приведены обширные цитаты из «Жалованной грамоты дворянству» (ст. 62, 63, 69, 72, 90). Автор неоднократно подчеркивал важность соблюдения принципа точного и неукоснительного соблюдения всех положений закона. Обращаясь к участникам, Шеншин выражал уверенность в просвещенности дворянства Воронежской губернии, которое, безусловно, признает его аргументы убедительными: «...никто из благородного дворянства не попротиворечит мне в том, что всякой закон есть правило, по которому мы должны поступать, что высочайше дарованная дворянству Грамота есть закон, по которому обязаны мы производить выборы чиновников в должности»[7]. При этом автор не ограничивался только логической аргументацией своей позиции, и для усиления эмоциональной напряженности воззвания напоминал собравшимся о данной накануне присяге: «Вчерашний день мы дали Богу клятву, чтоб нам производить сии выборы беспристрастно, но имеет ли беспристрастие сие соблюстись, если не будут соблюдены постановления сей высокой грамоты?»[8]

Одновременно с обращением к морально-религиозным чувствам П. С. Шеншин использовал еще один достаточно распространенный прием — апелляцию к безусловному авторитету императора Петра I. Сомневающимся в необходимости пересмотра уже составленного с нарушениями закона списка, он пред-

лагал подойти к столу губернского предводителя дворянства, на котором был расположен портрет Петра Великого, и прочитать предостережение императора: «В суе законы писать, когда их не хранить, или ими играть как в карты, прибирая масть к масти». В заключение Шеншин объявил о своем решении не участвовать в избирательной процедуре до тех пор, пока лица, не имевшие права голосования, не будут удалены из дворянского собрания, особо подчеркивая, что отказ продиктован стремлением соблюсти «вышеизъясненные узаконения», «справедливость» и «присягу»[9]. Право избирать председателей дворянства, заседателей земских и уездных судов, земского исправника, окружного и уездного судью он рассматривал одновременно и как почетное право, и как «непременную» обязанность дворянина. При таком прочтении «Жалованной грамоты дворянству» ключевыми понятиями, с помощью которых происходило описание идеальной модели поведения «благородного дворянина» в условиях, когда он, обладая правом на «свободу избрания», обязан содействовать отбору наиболее достойных чиновников на должности, «от выборов зависящие», оказывались понятия «закон», «законное право», «справедливость», «беспристрастие» и «присяга». Таким образом, автор публично акцентировал внимание на необходимости помнить о наличии неразрывной связи между формально-юридическими и религиозно-нравственными компонентами избирательной процедуры.

Содержательно представленный текст, при всей оригинальности избранной автором формы и нарочитой демонстративности отказа участвовать в голосовании, воспроизводил основные проблемные ситуации, которые были хорошо известны всем участникам выборов. Одна из них — проблема сбора достоверных сведений, на основании которых составлялись списки дворян, имевших право участвовать в работе дворянского собрания. Неточность, а нередко и недостоверность избирательных списков, как показал в своих работах А. И. Куприянов, была характерна не только на начальном этапе работы дворянских собраний во второй половине XVIII в., но и на протяжении всей первой половины XIX в.[10] В список могли быть включены кандидаты, чье происхождение не было подтверждено соответствующей записью в дворянской губернской книге, дворяне, в отношении которых проводились судебные разбирательства, или помещики, обладавшие имением доходностью менее 100 руб. в год. В случае значительного числа таких «недостойных кандидатов», как, например, на выборах в Тверской губернии в 1821 г., результаты голосования могли быть отменены и назначены перевыборы[11].

Однако, как показывает сравнительный анализ жалоб и прошений по делам «о пристрастиях в выборах», причинами недостоверности информации была не только неполнота первичных данных, но и их сознательное искажение самими дворянами. Особенно часто фальсифицировали сведения об имущественном положении. О целенаправленном характере подобных действий свидетельствовал подольский гражданский губернатор граф К. Ф. Сен-При в секретном представлении от 20 февраля 1814 г. главнокомандующему в Санкт-Петербурге

С. К. Вязмитинову. Называя причины различных «беспорядков и неудобств» на выборах в дворянском собрании, губернатор отмечал: «...они наиболее происходят от допущения к выборам многих лиц, не имеющих на то права, ибо сие делается посредством одним временных сделок, коих большую часть, смело сказать, есть подложных, и кои служат только на одно время выборов, а после уничтожаются»[12]. В подтверждение своих слов он привел пример фиктивной покупки крестьян шляхтичами Кондрацкими, имение которых ранее было конфисковано «за самовольную отлучку в неприятельскую службу». По данным губернатора, они «купивши и у помещика Ярошицкого 8 крестьянских дымов, нужных для допущения их к выборам[13], и не войдя во владение, отдали обратно под видом заставы тому же помещику Ярошицкому»[14]. При этом, в отличие от штабс-капитана Шеншина, губернатор акцентировал внимание не на юридической противоправности подобных действий, что для него был очевидным фактом, а на практических последствиях допуска к выборам людей, не имевших права голоса. Все подобные случаи, по его словам, «не только не приносят никакой пользы ни службе, ни обществу, но даже есть средство к интригам, беспорядкам, выборам к местным должностям людей не имеющих на оное права, способности и достоинства, людей, делающих шум, беспокойство и непристойные поступки на выборах»[15].

В рамках исследования дискурсивных практик, возникавших в связи с выборными процедурами в первой четверти XIX в., следует отметить внутреннюю логику подольского гражданского губернатора при изложении негативных последствий от фиктивной покупки имения. Наиболее важным обстоятельством, которое, по его мнению, делало бессмысленным избрание на выборные должности, было отсутствие «*пользы для службы*», трактуемой как обязанность дворянина честно исполнять возложенные на него обязанности, и противодействие достижению *общественной пользы*. В данном контексте упоминание о «пользе общества» являлось хорошо читаемой современниками отсылкой к концепции «общего блага», провозглашавшей взаимосвязь деятельности отдельного индивида и уровня благосостояния общества в целом.

Наряду с неточностью сведений в избирательных списках еще одним сюжетом, который также являлся частью дискурса о качествах кандидатов на выборные должности, был вопрос о допустимости формирования в дворянских собраниях так называемых «партий». Основанием для критических замечаний относительно практики создания групп поддержки, обозначаемых на языке того времени понятием «партия», становились случаи прямого покровительства со стороны состоятельных кандидатов на выборную должность по отношению к бедным дворянам своего уезда. Яркой иллюстрацией такого рода случаев является направленное 18 мая 1805 г. министру внутренних дел В. П. Кочубею представление смоленского военного губернатора С. С. Апраксина. Заявляя о «невозможности соблюсти беспристрастие и справедливость» при проведении выборов на должности уездного судьи и земского исправника, он подробно

изложил причины такого положения: «...дворянин, желающий быть избранным или желающий избрать кого-либо к занятию важного поста в своем уезде, прежде отъезда в губернский город составляет партию. Глава начальствующий онаю, имея в виду не общие, а собственные свои виды, побуждения и пользу, назначает наперед, кого им избрать и кого отвергнуть должно. Иногда бывает таковых партий в одном уезде две или три. Каждая старается по возможности себя усилить числом, привлекая для умножения избирательных балов самобеднейших дворян, провоз которых до губернского города, содержание их во всё продолжение выборов и своз до дома остается обыкновенно на счет приглашающих»[16]. Все подобные случаи, по мнению автора, «вредят обществу» и свидетельствуют, с одной стороны, о «корыстолюбии» и «неблагонамерении» тех, кто совершает подкуп выборщиков, а с другой — «глупости», «праздности» и желании «доставить себе несколько недель угощения» тех «самобеднейших дворян», которые соглашаются поддержать на выборах нужного кандидата[17].

Показательно, что отмеченные факты рассматривались автором не с позиции нарушения закона, так как формально-юридического запрета на помощь в организации приезда и пребывания бедных дворян не существовало, а сопровождались всё теми же рассуждениями о несоответствии поведения отдельных дворян «общей пользе». Для него участие в выборах — это прежде всего обязанность, своеобразная форма общественного служения, «священный дар» верховный власти, а не инструмент достижения сугубо утилитарных интересов. При этом несоответствие общей пользе трактовалось как следствие «принятого за обычай злоупотребления», поскольку практика непрямого подкупа выборщиков не обеспечивала отбора наиболее способных к «общественному служению» дворян. Избрание в результате предварительного сговора «партий» на должность судьи или исправника приводило к негласной зависимости дворянина от тех, кто оказывал ему поддержку на выборах. Размышляя об этом, С. С. Апраксин задавал риторический вопрос: «...избранные таким образом к служению чиновники <...> могут ли действовать по долгу их и по закону беспристрастно?» Ответ на этот вопрос для него было очевидным. В условиях, когда дворянин «сего места искал сам, или другие старались доставить оного для своей пользы, и известно ему, кто был сообщник его и противник», он при исполнении служебных обязанностей вынужден будет оказывать содействие в судебных делах своим «избирателям» и всячески противодействовать положительным решениям по искам тех, кто конкурировал с ним на выборах[18]. Подобная зависимость, по мнению С. С. Апраксина, имела негативные последствия не только для частных лиц, но и для государственной казны, так как выборные чиновники не имели «ни духа, ни намерения» принимать «решительные меры» по своевременной уплате долгов по недоимкам и пошлинам в казну[19]. Таким образом противостояние «партий» на выборах, фактически продолжавшееся и после их завершения, приводило к негативным последствиям как для частных лиц, так и для государства. Для предотвращения подобных

злоупотреблений автор просил министра внутренних дел представить на высочайшее рассмотрение предложение о целесообразности назначения земских исправников и уездных судей от короны[20].

Дискурс о верховенстве «духа» или «буквы закона»

Отмеченная взаимосвязь личных качеств кандидатов на выборные должности и «пользы общей» являлась частью еще одного важного дискурса — вопроса о верховенстве «духа» или «буквы закона». Применительно к дворянским выборам такая постановка вопроса означала поиск разумного компромисса между необходимостью неукоснительно соблюдать закон и проблемой подбора квалифицированных чиновников на выборные должности. На практике сложность сочетания этих двух принципов состояла в неравномерности географического распределения дворянства на пространстве Российской империи и бедности мелкопоместных дворян. Количество дворян, которые соответствовали всем необходимым критериям для участия в выборной процедуре, было явно недостаточно для заполнения всех вакантных должностей. Такое положение обусловливало составление прошений на имя министра внутренних дел от губернаторов или предводителей дворянства с просьбой разрешить в качестве исключения из общего правила допустить к выборам лиц, которые по действующему закону не могли участвовать в работе дворянских собраний. Так, например, в представлении министру внутренних дел от ярославского губернского предводителя Н. А. Майкова констатировалось двойственное положение, при котором исполнению возложенных на дворянство обязанностей препятствовал установленный законом запрет на участие в выборах дворян, ранее находившихся под судом или имевших взыскания в виде штрафа. В целом не подвергая сомнению обоснованность установленных ограничений в масштабах всей страны, он просил о разрешении допустить к выборам наиболее способных дворян, которые в прошлом подвергались незначительным наказаниям. Аргументируя необходимость такой меры, Майков, как и ряд других предводителей дворянства и губернаторов, писал о недостатке квалифицированных чиновников и уверенности в том, что многие из тех, кто были отстранены от выборов, «имея способности и состоя доброго об них мнения <...> в случае избрания могли бы обществу быть полезны»[21]. В данном контексте важен был не факт нарушения закона, а уже обозначенный ранее критерий — «полезность общему благу». Степень же такой «полезности» зависит от способностей, опыта работы и личных качеств человека, а главное — их признания у дворян данной губернии.

На этом фоне «малозначительные» случаи нарушения закона признавались недостаточным основанием для лишения избирательных прав, важность которых для «общественной пользы» была неоднократно подтверждена верхов-

ной властью в «Жалованной грамоте дворянству» и многочисленных именных указах. Для подтверждения незначительности правонарушений Н. А. Майков предложил министру ознакомиться с двумя списками дворян Ярославской губернии, отстраненных от участия в выборах в конце 1813 г.: 1) список дворян, «находившихся под судом с объяснением, за что именно кто был судим и чем оштрафован»; 2) список дворян, «сужденных в палате уголовного суда, кои дела закончены всемилостивейшим манифестом». Проведенный анализ этих списков показал, какие именно виды правонарушений с точки зрения губернского предводителя были «малозначимыми», следовательно, не должны были рассматриваться как препятствие для исполнения общественного долга.

В первом списке отчетливо прослеживается три группы правонарушений: личные неимущественные («драка», «обида словами»), личные имущественные («отобрал лошадь», «недопущение крестьянина владеть своей землей»); нарушение служебной дисциплины и действующих правовых норм («неисполнение в должности», «слабое производство следствия», «самовольная отлучка в ходе следствия», «двоякое наказание по судебному делу», «оставление безгласно смерти статского советника», «оставление безгласно дела о грабеже», «несправедливое свидетельство о болезни находящегося в отпуску прапорщика», «дача подписки с укорительными словами присутствующим в суде», «упущение и беспорядки в должности», «допущение секретаря к растрате денег», «ослушание начальства», «дача цыганам для разъездов пашпартов», «неблагопристойный противу земского суда поступок»)[22].

Второй список был существенно меньше первого и содержал перечень дел, подлежавших рассмотрению уголовной палатой, но прекращенных по амнистии, объявленной манифестом 2 апреля 1801 г. В нем наряду с преступлениями личного характера («отобрание у тещи родового мужа ее диплома», «за дурные поступки вместе с братом своим и людьми своими в отношении соседки») были и такие формулировки: в должности содержателя почты «незаконно брал с проезжавших крестьян по 4 коп.», «подделка документов», «ослушание начальства», «самовольное винокурение».

Сопоставление составов правонарушений и в первом, и во втором списке показывает, что упоминаемые в них чиновники не отличались особым служебным рвением, напротив — различные «упущения и беспорядки в должности» были одним из наиболее частых причин наложения штрафов, выговоров и судебных разбирательств. Однако несмотря на это губернский предводитель просил разрешить им участвовать в выборах. Аналогичная просьба была изложена и в представлении оренбургского военного губернатора В. Г. Волконского, который высказывал уверенность в том, что «весьма полезно и даже справедливо было допустить к выборам дворянским тех из находившихся под судом дворян, кои по маловажности вин или преступлений приговорены были токмо к денежным взысканиям, выговорам и подтверждениям о лучшем впредь исправлении должностей»[23].

***

Одновременное сосуществование дискурсов о личных качествах дворян, «корыстолюбии» и «неблагонамерении» при создании так называемых «партий», важности неукоснительного соблюдения закона, доминировании «общей пользы» и необходимости «беспристрастного» исполнения «служебного долга» — всё это в условиях недостаточного количества «достойных» кандидатов на выборные должности сформировало двойственное отношение к выборности как институциональному выражению прав дворянина.

Постепенно формировалась достаточно пластичная, легко адаптируемая к конкретной ситуации система ценностных координат, в которой центральное место занимали понятия «общая польза» и «закон». Понятие же «право выбора» из сугубо юридического термина нередко становилось категорией второго порядка, тесно связанной как с особыми привилегиями, пожалованными российскому благородному дворянству, так и с рядом морально-нравственных категорий. В данном контексте отмеченная выше инструментализация понятий «закон», «законное право», «справедливость» и «беспристрастие» для обличения разнообразных нарушений на выборах могла сочетаться с рассуждениями о целесообразности установления частных исключений и особых правил даже в том случае, если такие особые правила по сути открывали возможность избрания людей, личные и профессиональные качества которых не соответствовали публично провозглашаемым критериям.

Такая пластичная система аргументов могла использоваться и для продвижения «известных кандидатов», негласного покровительства, оказываемого бедным дворянам, с целью получения в будущем возможности оказывать содействие в решении различных судебных дел, распределении казенных откупов и подрядов. Однако вышеизложенное не означает, что выборы оказывались лишь удобным инструментом достижения личных, сугубо утилитарных целей. Напротив, возникавшие до и после их проведения внутригрупповые конфликты свидетельствуют о появлении важнейших элементов гражданского самосознания — осознания важности коллективного решения, возможности отстаивать свою позицию даже в том случае, если она противоречит позиции губернских властей. Иллюстрацией такого осознания являются многочисленные жалобы на утверждение (или неутверждение) в должности избранных дворянством кандидатов. Так, например, в декабре 1814 г. уездный предводитель гвардии полковник С. Ф. Куприянов, избранный губернским дворянским предводителем на очередное трехлетие большинством голосов, направил министру внутренних дел жалобу о неутверждении его в должности. Аргументируя «несправедливость» решения костромского губернатора Н. Ф. Пасынкова, он подчеркивал, что «оказанное неуважение мне начальником губернии не столько к лицу моему, сколько вообще ко дворянскому сословию» относится[24]. Невозможность игнорировать коллективное мнение дворянства для него, как

и для тех, кто поддержал его прошение, было очевидным фактом, а принятое решение оценивалось как несправедливое, отражавшее личные предпочтения губернатора к другому кандидату на вакантную должность.

Осознание значимости коллективного мнения не сопровождалось формированием оппозиционных настроений по отношению к властным структурам. Более того, возникавшие внутри дворянства «партии» не противопоставляли себя государству, а напротив, неизменно, используя различные риторические приемы, подчеркивали свою причастность к общегосударственной системе управления, стремление к достижению «общего блага». На местном уровне выборы актуализировали воспроизводство модели неформальных патрон-клиентских отношений, основанной на сетевой структуре межличностных взаимодействий и хорошо адаптируемой для достижения коммерческих и карьерно-статусных целей. В обращениях к министру внутренних дел или императору, оперируя теми же понятиями («закон», «справедливость», «беспристрастие», «долг», «польза», «общее благо»), выстраивалась формально более строгая, иерархично организованная, но в принципе аналогичная логика взаимоотношений власти с дворянским сообществом, в соответствии с которой чиновники высшего уровня выступают в качестве арбитров в конфликтах на местном уровне.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16–31–00007.

[2] *Скиннер К.* Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 55–66; *Skinner Q.* Language and Political Change // Political Innovation and Conceptual Change. Cambridge, 1989. P. 6–23; История понятий, история дискурса, история ментальностей. Сб. статей. Под ред. Х. Э. Бёдекера. М.: НЛО, 2010.

[3] См. подробнее: *Fairclough N.* Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992; *Филипс Л. Дж., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Харьков, 2004. С. 12, 101–102, 105–108.

[4] Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 5. М.: Юридическая литература, 1987. С. 32, 34.

[5] Там же. С. 33.

[6] РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а. Кн. 6. Д. 165. Л. 1б.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же. Л. 1б об.

[10] *Куприянов А. И.* Электоральное поведение русского дворянина (1770–1820-е гг.) // Вестник российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2012. № 1. С. 10–11.

[11] *Куприянов А. И.* Фальсификация выборов: практики российского дворянства, 1775–1863 годы // Российская история. 2015. № 6. С. 4–6.

[12] РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а. Кн. 89. Д. 205. Л. 90 — 90 об.

[13] В соответствии с указом от 3 марта 1805 г. «О порядке дворянских выборов в губерниях, от Польши присоединенных» для участия в выборах необходимо было быть собственником имения, состоящего не менее чем из 8 домов и с минимальной доходностью в 150 руб. в год. В указанных губерниях вводился также пониженный возрастной ценз: 18 лет для участия в голосовании и 23 года для избрания на выборные должности, см.:

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXVIII, 1805. № 21.646. С. 883–884.

14 РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а. Кн. 89. Д. 205. Л. 90 об.

15 Там же. Л. 91.

16 РГИА. Оп. 3. Кн. 22. Д. 8. Л. 167 — 167 об.

17 Там же.

18 Там же. Л. 167 об. — 168.

19 Там же. Л. 168 об.

20 Там же. Л. 168.

21 РГИА. Оп. 4а. Кн. 89. Д. 201. Л. 31б — 31б об.

22 Там же. Л. 35 — 39 об.

23 РГИА. Кн. 55. Д. 385. Л. 109 об.

24 РГИА. Кн. 91. Д. 231. Л. 98 об.

References

FAIRCLOUGH N. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press, 1992.

FILIPS L. DZH., JORGENSEN M. V. *Diskurs-analiz. Teorija i metod*. [Discourse analysis. Theory and Method. In Russ.] Har'kov, 2004.

Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija mental'nostej. [The history of concepts, the history of discourse, the history of mentalities. In Russ.] Sb. statej pod red. H. Je. Bjodekera. Moscow: NLO Publ., 2010.

KUPRIJANOV A. I. *Fal'sifikacija vyborov: praktiki rossijskogo dvorjanstva, 1775–1863 godov* [Falsification of elections: practices of the Russian nobility, 1775–1863. In Russ.] // Rossijskaja istorija. 2015. N 6. P. 3–18.

KUPRIJANOV A. I. *Jelektoral'noe povedenie russkogo dvorjanina (1770–1820-e gody)* [Electoral behavior of the Russian nobleman (1770–1820). In Russ.] // Vestnik rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Istorija Rossii. 2012. N 1. P. 5–19.

SKINNER K. *Kollingvudovskij podhod k istorii politicheskoj mysli: stanovlenie, vyzov, perspektivy* [Collingwood's approach to the history of political thought: formation, challenge, prospects. In Russ.] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. N 66. P. 55–66.

SKINNER Q. *Language and Political Change* // Political Innovation and Conceptual Change. Cambridge, 1989. P. 6–23.

Список литературы

История понятий, история дискурса, история ментальностей: Сб. статей / Под ред. Х. Э. Бёдекера. М.: НЛО, 2010.

Куприянов А. И. Фальсификация выборов: практики российского дворянства, 1775–1863 годов // Российская история. 2015. № 6. С. 3–18.

Куприянов А. И. Электоральное поведение русского дворянина (1770–1820-е годы) // Вестник российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2012. № 1. С. 5–19.

Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 55–66.

Филипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Харьков, 2004.

Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992.

Skinner Q. Language and Political Change // Political Innovation and Conceptual Change. Cambridge, 1989. P. 6–23.

Д. В. Тимофеев. В борьбе за голос благородного дворянина: электоральные практики в России на рубеже XVIII — первой четверти XIX в.

В статье анализируются дискурсивные практики, возникавшие как во время подготовки и проведения выборов в дворянских собраниях, так и после утверждения/неутверждения в должности избранных кандидатов. Источниковую основу исследования составил комплекс архивных материалов: официальные представления губернских и уездных предводителей, отчеты и донесения губернских властей; «голоса», жалобы и прошения дворян по делам о «неутверждении в должности» и «пристрастиях в выборах». Автор концентрирует внимание на том, с помощью каких понятий участники выборной процедуры обосновывали свою позицию по вопросам о нарушениях в ходе подготовки и проведения выборов; оценивали значимость формальных критериев и нравственных качеств кандидатов; высказывали аргументы по вопросу о целесообразности допуска к выборам дворян, находившихся под следствием или имевших ранее различного рода взыскания; высказывались о выборных «партиях» и иных проявлениях внутригрупповой консолидации местного дворянства. Делается вывод о формировании системы понятий, используемых в ходе электоральных практик; разнонаправленном влиянии выборов на самосознание российского дворянина; признается важность коллективного мнения и воспроизводства патронклиентских отношений.

Ключевые слова: электоральные практики, дискурс-анализ, история понятий, выборы в России XIX в., история общественного сознания, российское дворянство.

D. V. Timofeev. Struggling for the noble's vote: electoral practices in Russia at the turn of 19th century

The article analyzes the discourses which emerged both around the elections in noble assemblies and the confirmation (or refusal in confirmation) of the elected candidates in their position. The study is based upon the archival sources: the official introductions of elected noble representatives, the reports of local officials, petitions and complaints of nobles related to the cases of refusal in confirmation and electoral offences. With the use of methods of history of concepts and critical discourse-analysis, the author focuses on the conceptual glossaries which the participants of elections were using to legitimate their positions in relation to electoral offences, to deploy arguments regarding the noble candidates being under investigation, and to make statements about the electoral 'parties' and other forms of internal consolidation of nobility. The author makes a conclusion about the formation of a conceptual system which emerged through the electoral practices; the complex and multi-varied influence of the elections upon the self-consciousness of Russian nobility; the importance of public opinion, and the reproduction of patron–client relations.

Key words: electoral practices, discourse analysis, history of concepts, elections in 19th century Russia, history of public thought, Russian nobility.

Тимофеев, Дмитрий Владимирович — д.и. н., ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Timofeev, Dmitrii Vladimirovich — Dr. of Sciences (History), Institute of history and archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, major scientist.

E-mail: dmitrtim@yandex.ru